
Научная статья
УДК 94(471.6).084.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-30-38

КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АТЕИЗМА В СОВЕТСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2021

Аннотация. Объектом исследования в статье выступают культовые здания в советской Кабардино-Балкарии. Они рассматриваются не просто как строения, предназначенные для отправления тех или иных религиозных треб, но и как один из ключевых элементов, формирующих этнокультурный код проживающих здесь народов. Анализируются количественные показатели числа культовых зданий, начиная от предреволюционного периода и заканчивая постсоветским, динамика их изменений в исторической ретроспективе. Рассматриваются основные приемы и методы, применявшиеся органами государственной власти для закрытия и перепрофилирования культовых зданий. Анализируются причины частого невыполнения предписаний по закрытию и перепрофилированию культовых зданий. На основе выявленных архивных документов также рассматриваются особенности функционирования в республиканском социуме официально незарегистрированных культовых зданий, которых было значительно больше официальных. Изучается формирование особого механизма социальной мимикрии, состоявшего в имитации деятельности по закрытию и перепрофилированию культовых зданий со стороны официальных органов и конкретных исполнителей, ввиду неофициально действовавшего принципа их невмешательства в религиозную жизнь социума. Делается вывод о том, что во многом благодаря этому религия в целом и один из ее главных элементов – культовые здания, в атеистических реалиях советского периода смогли сохраниться.

Ключевые слова: религия, социум, культовые здания, атеизм, конфессиональная политика, мимикрия, этнокультурный код

Для цитирования: Такова А.Н. Некоторые аспекты вопроса о культовых зданиях в советской Кабардино-Балкарии: проблема сохранения этнокультурного кода в условиях политики государственного атеизма // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 30–38. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-30-38

Original article

CULT BUILDINGS UNDER THE POLICY OF STATE ATHEISM IN SOVIET KABARDINO-BALKARIA

Aleksandra N. Takova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© A.N. Takova, 2021

Abstract. The object of research in the article is religious buildings in the Soviet Kabardino-Balkaria. They are considered not just as buildings intended for the administration

of certain religious requirements, but also as one of the key elements that form the ethnocultural code of the peoples living here. The quantitative indicators of the number of religious buildings, from the pre-revolutionary period to the post-Soviet period, are analyzed, as well as the dynamics of their changes in the historical retrospective. The main techniques and methods used by public authorities for the closure and re-profiling of religious buildings are considered. The analysis of the reasons for the frequent failure to comply with the instructions for the closure and re-profiling of religious buildings is carried out. On the basis of the revealed archival documents, the peculiarities of the functioning of officially unregistered religious buildings in the republican society, which were much more official, are also considered. The article analyzes the formation of a special mechanism of social mimicry, which consisted in imitating the activity of closing and re-profiling religious buildings by official bodies and specific performers, in view of the unofficially operating principle of their non-interference in the religious life of society. It is concluded that largely due to this, religion as a whole and one of its main elements – cult buildings, could survive in the atheistic realities of the Soviet period.

Keywords: religion, society, religious buildings, atheism, confessional politics, mimicry, ethnocultural code

For citation: Takova A.N. Cult Buildings under the Policy of State Atheism in Soviet Kabardino-Balkariam. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-30-38

В контексте изучения истории государственно-конфессиональных отношений советского периода определенный интерес представляет вопрос о культовых зданиях. Его исследование дает интересные сведения, позволяющие более полно оценить роль и место религии в изучаемом социуме в условиях перманентно проводимой атеистической работы. В настоящей статье предмет исследования – культовые здания, выступают не просто в качестве строений, предназначенных для отправления религиозных треб, но и как один из важнейших элементов, формирующих этнокультурный код рассматриваемого социума, обладающий выраженным символическим наполнением. Целью работы является изучение динамики и особенностей функционирования культовых зданий в советской Кабардино-Балкарии, элементов социальной мимикрии, позволивших сохранить религиозную культуру общества в условиях государственной политики, официально направленной на ее полное нивелирование. Основными источниками для написания работы послужили архивные материалы, извлеченные из различных архивохранилищ, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Некоторые аспекты данной темы рассматриваются в исследованиях И. Бабич, Н. Емельяновой, А. Мукожева, Е. Шишкина, Ю. Джабраилова [Бабич 2001; Емельянова 1999; Мукожев 2004; Шишкин 2018; Джабраилов 2014].

Деятельность органов государственной власти, направленная на поступательное сокращение числа культовых зданий, осуществлялась в Кабардино-Балкарии на протяжении всего советского периода. Способы ее реализации были различными и обуславливались, главным образом, проводимыми в данный момент государственными мероприятиями в религиозной сфере. Ввиду этого они сильно варьировались от грубых силовых запретительных мер, направленных на полную ликвидацию всех культовых зданий, характерных, в большей степени, для периода 20–30-х гг. XX в., до относительно мягких приемов, где основной упор делался на атеистическую пропаганду.

Используя историко-генетический метод, рассмотрим изучаемую проблему в динамике на материалах Кабардино-Балкарии.

В дореволюционный период роль и место религии в кабардино-балкарском обществе были значительными. Она присутствовала в большинстве сфер: образовании, судопроизводстве, культуре и пр., задавала тон системе нравственно-этических ценностей, составляла семейно-бытовую обрядность, регулировала социальные отношения. К началу революции 1917 г. в Кабардино-Балкарии насчитывалось

157 мечетей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148], 19 церквей и часовен [Официальный сайт НБПЧЕ: эл. ресурс]. Также имелись культовые здания, относившиеся к другим религиозным направлениям (иудаизм, католицизм, протестантизм).

Непродолжительный период стратегического альянса между еще окончательно не утвердившейся в субрегионе советской властью и силами, в деятельности которых религия играла роль идеологической платформы, сложившийся в годы Гражданской войны, быстро себя исчерпал. Довольно скоро «...обозначилась принципиальная несовместимость религии и коммунистической идеологии» [Мукожев 2004: 99].

20-е – 30-е гг. XX в. в истории государственно-конфессиональных отношений были временем реализации жесткой антирелигиозной политики. В этот период в республике произошла ликвидация системы шариатского судопроизводства, религиозного образования и культуры, изъяты церковные и мечетские ценности. А ввиду того, что имевшие место народные волнения, инспирированные внедрением непопулярных хозяйственно-экономических мероприятий 20–30-х гг. XX в., содержали в себе религиозные постулаты в качестве идеологической платформы, религия в целом стала рассматриваться как объект преследования, подлежащий полной ликвидации. В отношении культовых зданий был взят курс на максимальное сокращение их числа. В качестве поводов для их закрытия официально фигурировали различные, но в большинстве своем неполитические основания: «несоответствие строительным и санитарным требованиям», «ветхость строения», «пренебрежение к требованиям противопожарной безопасности», «распад общины» и пр. К примеру, в постановлении о закрытии Семеновской церкви г. Нальчика (1940 г.) говорилось «...Семеновская церковь в городе Нальчике с 1937 г. бездействует, само религиозное объединение распалось и здание церкви, вследствие отсутствия попечения со стороны ответственных лиц по сохранению церковного имущества, приведено в состояние, требующее капитального ремонта» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-7717. Оп. 1. Д. 176. Л. 71 об.]. Закрытые культовые здания, состояние которых было технически удовлетворительным, чаще всего не сносились, а перепрофилировались под светские нужды (клубы, библиотеки и пр.), реже – под хозяйственные цели.

Результат работы по закрытию и перепрофилированию культовых зданий, проводившейся в республике в 20–30-е гг. неоднозначен. Итоговые цифры по сведениям различных источников значительно отличаются друг от друга. Это связано, во многом, с тем, что большая часть архивных материалов, относительно изучаемого вопроса, в годы войны была безвозвратно утрачена. Ввиду этого имеющиеся в распоряжении исследователей сведения априори фрагментарны.

Так, по данным архивов Кабардино-Балкарии, к началу Великой Отечественной войны в республике не осталось ни одной действующей мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148]. В свою очередь, исследователь Н.М. Емельянова, ссылаясь на материалы ГАРФ указывает, что по состоянию на 1938 г. в республике «...функционировали и были юридически оформлены 36 мечетей» [Емельянова 1999: 72–73]. Исследователь И.Л. Бабич, также упоминает о действовавших к началу 40-х гг. 36 мечетях [Бабич 2001: 131]. Точные сведения, относительно культовых зданий прочих конфессий отсутствуют. Однако, есть данные о том, что в конце 30-х гг. – начале 40-х гг. XX в. в республике произошла целая серия закрытий культовых зданий РПЦ. Так, в 1938 г. была закрыта Покровская железнодорожная церковь при станции Прохладная [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 175. Л. 37–38], в 1939 г. – церкви в с. Александровской и с. Пришибской Майского района [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 35 об.], в 1940 г. – Семеновская церковь в г. Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 71 об.], Николаевская церковь в г. Прохладный [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176.

Л. 84] и церковь в с. Екатериноградской Прохладненского района [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 149].

Так или иначе, но к началу войны в республике большая часть культовых зданий была официально закрыта. Однако, с их перепрофилированием, как свидетельствуют документы, были серьезные трудности. Вопрос о повсеместном невыполнении предписаний о перепрофилировании культовых зданий обсуждался, к примеру, на заседании Президиума Верховного Совета КБАССР 20 мая 1939 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 177. Л. 8 об.]. В данном документе указывалось, что немалая часть из официально закрытых в республике в 20–30-е гг. культовых зданий, которые предполагалось использовать под светские нужды, на деле так и не была перепрофилирована. В данном документе нет сведений о количестве подобных культовых зданий, не анализируются и причины неисполнения предписаний о перепрофилировании. Однако сам факт вынесение данного вопроса на обсуждение, причем, самого высокого уровня, свидетельствует, как минимум, о неединичном его характере.

О том, что в реальности происходило в этих неперепрофилированных культовых зданиях сказать трудно. Возможно, что они просто пустовали. Но, не исключено и то, что определенная деятельность в них все же велась. Так, к примеру, утверждает Н.М. Емельянова, отмечая, по этому поводу, что в конце 30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии «...еще 60 мечетей действовали без разрешения властей, на свой страх и риск» [Емельянова 1999: 140].

Причины подобного положения дел, по нашему мнению, в определенной степени связаны с тем, что у конкретных исполнителей мероприятий по закрытию и перепрофилированию культовых зданий не было реального желания заниматься этим, в связи с чем происходившие в религиозной сфере процессы нередко просто игнорировались. Причиной последнего выступает, главным образом, не до конца секуляризированное сознание большей части конкретных исполнителей религиозной политики на местах, в связи с чем в их деятельности нередко доминировал формальный подход, игнорирование разного рода явных нарушений. Последний тезис как нельзя лучше иллюстрируют архивные документы. Так, например, в 1925 г. поступило заявление от 13 коммунистов сел. Чегем-1, направленное в областной комитет РКП(б), в котором содержалась жалоба на муллу данного селения, которые не пускали заявителей в мечеть и называли их неверными. Причина отказа связывалась заявителями с тем, что они «... решили раз и навсегда порвать с религиозным дурманом и не держали уразу» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 2]. То есть, заявители, позиционировавшие себя в качестве коммунистов, отказывались от соблюдения поста-Уразы. Тем не менее они считали для себя важным (иначе бы данная жалоба и не возникла) и само собой разумеющимся, как и прежде, посещать мечеть. Не исключено, что в сознании подобного рода исполнителей, некоторые действия, которые им необходимо было выполнять (в данном случае – закрыть культовое здание или перепрофилировать его), ими же самими воспринимались как нечто «неправильное». В итоге выполнение спускаемых сверху предписаний о закрытии или перепрофилировании культовых зданий, порой превращалось в имитацию выполнения, не нацеленную на достижение нужного властям результата. Так или иначе, но во многом благодаря данным нюансам религия в целом, а также один из ее важнейших материальных элементов – культовые здания, даже в эпоху осуществления наиболее жестких антирелигиозных мероприятий советского периода смогли сохраниться.

Годы войны для сферы государственной религиозной политики стали переломными, что, по мнению Ю. Джабраилова было связано «...не столько с осознанием необходимости изменения вектора государственно-конфессиональных отношений, сколько желанием сохранить социально-политическую стабильность в стране» [Джабраилов 2014: 195]. В целом апеллирование к религиозным чувствам

населения активно использовалось для достижения своих целей как немецкой, так и советской сторонами. К примеру, в архивных материалах, касаемых периода оккупации территории Кабардино-Балкарии (октябрь 1942 г. – январь 1943 г.) указывается на открытие фашистскими властями нескольких мечетей в селениях Верхний Куркужин, Нижний Куркужин, Баксаненок, Кызбурун II, Алтуд, Заюково, Шалушка, а также двух в с. Каменномостское [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54а. Л. 73–74]. Возможно предположить, что речь идет опять же не о каких то новых зданиях, построить которые, хотя бы по времени, априори не удалось бы, а о тех, что неофициально действовали и до войны, а оккупационными властями были, если так можно сказать, «легализованы».

После освобождения территории республики от фашистов (январь 1943 г.) все нововведения периода оккупации были оперативно ликвидированы. Однако в отношении культовых зданий этого не произошло. Их деятельность де-факто продолжалась, хотя в документах той эпохи и отмечалось, что все они «...действуют по существу незаконно» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 144].

В 1943–1944 гг. были приняты Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.) и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.). В соответствии с ними была допущена официальная регистрация культовых зданий. Алгоритм прохождения данной процедуры был сопряжен с немалым числом формальностей, реально преодолеть которые было возможно лишь при однозначной заинтересованности властей в регистрации. Ограничительный характер данных постановлений был настолько очевиден, что по замечанию Е. Шишкина их уместнее было бы назвать «...о порядке отклонения ходатайств верующих» [Шишкин 2018: 88]. Так или иначе, принятие указанных постановлений привело к легализации религии в целом, способствовало ее встраиванию в бюрократическую систему советского государства, но, при этом, ставило ее под тотальный контроль последнего. Для его осуществления в структуре органов государственной власти в 1943–1944 гг. были учреждены новые органы – Совет по делам Русской православной церкви при Правительстве СССР (1943 г.) и Совет по делам религиозных культов (1944 г.), занимавшийся вопросами всех действовавших в стране религиозных течений помимо православия. В 1965 г. два этих органа были объединены в Совет по делам религий при Совете министров СССР, функционировавший вплоть до 1991 г.

На местах создавались аппараты уполномоченных от этих органов. В Кабардино-Балкарии изначально были учреждены аппараты от обоих органов. Уполномоченные являясь, по сути, связующим звеном между советскими и партийными органами, с одной стороны, и верующими, с другой, призванные выполнять роль внешнего нейтрального контролера деятельности обеих сторон в деле соблюдения действующего в стране религиозного законодательства. Материалы, отражающие работу уполномоченных, являются на сегодняшний день основным источником для изучения религиозных процессов, происходивших в нашей стране начиная с последних лет войны и вплоть до распада СССР в 1991 г.

Первыми в республике были официально зарегистрированы все культовые здания, открытые в период немецкой оккупации в количестве девяти. В 1945–1946 гг. была оформлена деятельность общества иудейского вероисповедания г. Нальчика, молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, зарегистрированы еще 4 мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7], а также 11 православных церквей и молитвенных домов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 2448. Л. 4]. В итоге, по состоянию на конец 1946 г., на территории Кабардинской АССР официально действовало уже 26 культовых зданий.

После 1946 г. процесс регистрации приостановился, а вскоре пошел в обратном направлении, в сторону официального сокращения их числа. При этом заявления о регистрации продолжали поступать уполномоченным, причем довольно

интенсивно, так как, по справедливому замечанию А. Мукожева «...вопрос о регистрации мечети был очень значимым для верующих, поскольку она составляла главный атрибут исламской богослужебной практики» [Мукожев 2004: 101]. В полной мере данное утверждение можно экстраполировать и на прочие религиозные направления. Однако положительного решения данные ходатайства уже не получали. Подобный крен объясняется, по нашему мнению, тем обстоятельством, что в данный период количество культовых зданий в республике достигло некоего предельного уровня, после которого дальнейший их рост ставил бы под сомнение тезисы об успешном строительстве атеистического общества и отсутствии у религии прочных социальных корней, перманентно присутствовавших в официальной пропаганде. Так или иначе, абсолютно очевидно, что ко второй половине 40-х гг. XX в. заинтересованности власти в росте числа культовых зданий в республике уже не было. Напротив, конец 40-х – начало 50-х гг. XX в. отмечен целой серией их закрытий. Так, в 1949 г. были закрыты церкви в ст. Александровской Майского района, г. Прохладном и ст. Приближенной Прохладненского района, в 1950 г. – община евангелистских христиан-баптистов в п. Терек [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 2448. Л. 2–3], в 1951 г. – религиозное общество иудеев г. Нальчика [УЦГА АС КБР. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 445. Л. 179], а также мечети в с. Алтуд, Каменноостское и Кахун [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54а. Л. 74].

В последующие годы официальное число культовых зданий в республике варьировалось примерно в тех же пределах, с незначительными колебаниями. Так, даже в 1988 г. была официально зарегистрирована деятельность лишь 28 религиозных организаций: 13 мусульманских, 7 православных, 8 протестантских [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 77. Л. 8].

Приведенные выше официальные цифры, однако, были достаточно далеки от реальности. Имеющиеся у нас в распоряжении документы, и, в первую очередь, материалы аппаратов уполномоченных, дают достаточно информации, позволяющей утверждать о тотальном, повсеместном наличии в республике в 40–80-е гг. XX в. во всех без исключения населенных пунктах, относящихся ко всем имеющимся в республике религиозным течениям и направлениям реально действовавшим, но официально незарегистрированным строениям, выполнявшим функции культовых зданий.

В мусульманских населенных пунктах в этом качестве выступали в основном кладбищенские постройки, формально предназначавшиеся для хранения погребального инвентаря, как, например в с. Шордаково [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8], Куба, Баксане [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 2] и многих других, а также официально закрытые в 20–30-е гг., но так и не перепрофилированные и, поэтому, продолжавшие действовать, мечети, как, например, в с. Каменноостское [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 4]. В некоторых населенных пунктах фиксировалось и строительство вполне новых автономных сооружений прямого религиозного назначения, как например, в с. Чегем I [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32–33]. Различные протестантские общины обычно прибегали к аренде жилых домов, в которых проводили свои религиозные собрания. При этом, нередко, они намеривались приобрести данные помещения в собственность, о чем ходатайствовали уполномоченному, как, например, представители обществ евангельских христиан-баптистов г. Прохладного, Нальчик и п. Майский [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 9].

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти официально незарегистрированные культовые здания, действовали в целом открыто и публично. Логично предположить, что происходившее было известно местным властям, равно как и его противоречие действовавшему религиозному законодательству. Однако каких-либо решительных мер для пресечения подобных явлений республиканскими властями не предпринималось. Напротив, порой местные власти и вовсе

старались всячески замолчать данного рода факты, о чем, к примеру, красноречиво сообщалось в одном из документов. В нем отмечалось, что «...большинство сельских советов сообщает, что в селениях, подведомственных им не имеется ни служителей, ни мечетей, ни групп верующих и вообще никакой религиозной деятельности нет. Если поверить этому, то Кабардино-Балкария может считаться самой атеистической республикой Северного Кавказа» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 4].

Сам по себе этот факт довольно любопытен. По нашему мнению он свидетельствует о том, что в республике де-факто существовал принцип невмешательства властей в религиозную жизнь социума. Возможно, она воспринималась как нечто само собой разумеющееся, важный и необходимый для нормальной жизнедеятельности социума элементом, не подлежащим какому-либо административному регулированию.

В период хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964 гг.) в республике предпринимались попытки, правда весьма немногочисленные, ликвидировать незаконно возведенные культовые здания. Однако, ни одна из них фактической ликвидацией так и не увенчалась. Это было связано, опять же с тем, что со стороны местных властей отсутствовала в этом какая-либо реальная заинтересованность, а, в связи с этим, со стороны социума, возможно, заручившегося принципиальным нейтралитетом органов власти в данном вопросе, происходило игнорирование, а порой и прямое саботирование официальных предписаний. Очень показательным в этом отношении является случай в с. Чегем I. Там в 1964 г. был выявлен факт самовольного возведения культового здания под видом сторожки на территории кладбища и проведения в нем регулярных религиозных собраний и общественных намазов. Было принято решение о сносе данного строения. Однако реализовать его не удалось. В официальном отчете по поводу этого события уполномоченным сообщалось, что для сноса строения был отправлен бульдозер, однако «...бульдозерист, узнав, какая предстоит ему работа, бросил машину и ушел». Уполномоченный пишет также, что данный поступок вызвал словестные одобрения и аплодисменты присутствовавших при этом жителей села. Представителям же власти, в свою очередь «...с трудом удалось успокоить верующих, которые грозились поехать с жалобой в республиканские органы», так как, по их словам, данная мечеть была построена «...с помощью колхоза и с ведома сельсовета» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. В итоге молитвенный дом на кладбище в с. Чегем I остался цел. В целом же за годы хрущевской антирелигиозной кампании в республике не было зафиксировано ни одного случая сноса незаконно возведенных, но фактически действовавших без регистрации культовых зданий, что отличает ее от большинства других регионов страны.

В 70–80-е гг. XX в. в государственной религиозной политике уже не происходило резких атеистических всплесков, а сама атеистическая работа в значительной мере догматизировалась и формализировалась. Реального влияния на религиозные процессы она не оказывала. Ситуация с культовыми зданиями оставалась прежней. На официальном уровне шло апеллирование «нужными», «правильными» цифрами, в соответствии с которыми число культовых зданий в республике не росло и оставалось из года в год стабильным. Неофициальные же культовые здания, при этом, действовали в большинстве населенных пунктов, причем вполне открыто и публично. Ключевые изменения начали происходить в период перестройки и начале 90-х гг. Данный период вошел в историю под названием религиозный «ренессанс». В республике одним из его символов стал бум в строительстве культовых зданий, имевший ярко выраженный манифестный характер. Так, по состоянию на 1994 г. в Кабардино-Балкарии были зарегистрированы уже около ста мусульманских общин, действовали 40 мечетей, 30 мечетей находились в стадии строительства [Емельянова 1999: 131].

Таким образом, десятилетия вынужденной адаптации к политике государственного атеизма, сформировали в республике своеобразный тип социальной мимикрии. Его суть состояла в формализации работы органов и конкретных ответственных лиц, призванных реализовывать атеистическую политику государства на местах, в следствии чего, ее официальные результаты сильно отличались от реального положения дел. Именно это способствовало тому, что в Кабардино-Балкарии религия в целом и один из ее главных элементов – культовые здания, в атеистических реалиях советского периода смогли выстоять, а основы религиозной культуры сохраниться.

Список источников

- Бабич 2001 – *Бабич И.Л.* Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 131–143.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Джабраилов 2014 – *Джабраилов Ю.Д.* Уроки вероисповедной политики советского государства на Северном Кавказе // Неприкосновенный запас. 2014. № 12. С. 193–197.
- Емельянова 1999 – *Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. М.: Граница, 1999. 142 с.
- Мукожев 2004 – *Мукожев А.Х.* Государственно-религиозные отношения в Кабардино-Балкарии в 1940–1980-х гг. (ислам) // Вестник КБИГИ. 2004. № 11. С. 99–114.
- Официальный сайт НБПЧЕ: эл. ресурс – Официальный сайт Нальчикского благочинья Пятигорской и Черкесской епархии *kborthodoxy.ru*.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
- УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
- Шишкин 2018 – *Шишкин Е.Н.* Вопрос открытия церквей на территории Ставропольской и Бакинской епархии 1943–1948 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История русской православной церкви. 2018. Вып. 82. С. 84–103.

References

- BABICH I. L. *Islam v sovremennoj Kabardino-Balkarii: pravovye aspekty* [Islam in modern Kabardino-Balkaria: legal aspects]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2001. № 2. P. 131–143. (In Russian)
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State archives of the Russian Federation]. (In Russian)
- DZHABRAILOV YU. D. *Uroki veroispovednoj politiki sovetskogo gosudarstva na Severnom Kavkaze* [Lessons from the religious policy of the soviet state in the North Caucasus]. IN: *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency reserve]. 2014. № 12. P. 193–197. (In Russian)
- EMEL'YANOVA N. M. *Musul'mane Kabardy* [Muslims of Kabarda]. Moscow: Border, 1999. 142 p. (In Russian)
- MUKOZHEV A. H. *Gosudarstvenno-religioznye otnosheniya v Kabardino-Balkarii v 1940–1980-h gg. (islam)* [State-religious relations in Kabardino-Balkaria in the 1940–1980s (islam)]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2004. № 11. P. 99–114. (In Russian)
- Oficial'nyj sajt Nal'chikskogo blagochin'ya Pyatigorskoi i Cherkesskoj eparhii kborthodoxy.ru* [The official website of the Nalchik deanery of the Pyatigorsk and Chircassian diocese kborthodoxy.ru]. (In Russian)
- Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Department of the central state archive of the Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)
- Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Management of the center for documentation of contemporary history of the Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

SHISHKIN E. N. *Vopros otkrytii cerkvej na territorii Stavropol'skoj i Bakinskoj eparhii 1943–1948 gg.* [The question of opening churches on the territory of the Stavropol and Baku dioceses in 1943–1948]. IN: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istorija. Istorija russkoj pravoslavnoj cerkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon humanitarian university. Series II. Story. History of the russian orthodox church]. 2018. Issue 82. P. 84–103. (In Russian)

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior researcher of the sector of modern history.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.